

7. Советская модель экономики в других социалистических странах

Анализ СМЭ был бы неполным без рассмотрения её функционирования в других социалистических странах после второй мировой войны. Ряду стран эта модель была, по существу, навязана Советским Союзом, войска которого находились на их территории. Но огромную роль сыграл и внутренний фактор: оживление и укрепление оппозиционных коммунистических сил в годы войны и в первые послевоенные годы, когда международный авторитет Советского Союза – главного победителя в войне – был велик как никогда.

Рассмотрю этот вопрос на примере стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), имевших в прошлом основательные демократические традиции.

По решению Ялтинской конференции в феврале 1945 г. все эти страны попали в орбиту СССР и в большинстве из них «новый прогрессивный общественный строй» устанавливался с помощью Советской Армии. Можно утверждать, что социализм в этих странах не имел внутренних корней, был *привнесён* извне, став поистине *привнесённой* концепцией и режимом. Этот социализм был замешан на антидемократизме и командно-административной практике, уже десятилетия процветавшими в СССР.

На прошедших после войны выборах коммунистические партии в странах ЦВЕ, бывшие важным фактором борьбы против фашистской оккупации в годы войны, как правило, получали первое место по числу собранных голосов по сравнению с любой другой партией, взятой в отдельности. Но они не имели абсолютного большинства голосов. Тем не менее они сумели оттеснить, а позднее и распустить другие партии, провести чистку государственного аппарата и утвердиться в своём всевластии по примеру однопартийной системы в Советском Союзе. Позже других стран ЦВЕ на путь однопартийного коммунистического правления встала Чехословакия (февраль 1948 г.).

Как пишет российский историк В.Алексеев, «отсутствие легальной избирательной борьбы и соперничества партий и их кандидатов, невозможность безнаказанно вести открытую агитацию против выдвинутых кандидатов и тем более против программы «народной демократии», пропагандировать контрпредложения и выдвигать контркандидатов сводили для противников всё более утверждавшегося строя возможности воздействовать на колеблющуюся или аполитичную часть избирателей, сплачивать и воодушевлять тайных приверженцев оппозиции к минимуму. Даже у заядлых врагов социализма, по-видимому, не было охоты рисковать в таком заведомо безнадежном деле, как подача перечёркнутого бюллетеня... Лишив оппозицию – далёко не парламентскими методами – возможности легально действовать, правящая партия стала представлять (не только в публичной пропаганде, но и для себя самой) ситуацию, вытекающую из серьёзного ослабления противника, результатом всенародной поддержки линии партии и новой власти»¹. Это написано о Венгрии, но справедливо в отношении всех социалистических стран ЦВЕ.

Как и в Советском Союзе, на руководящую работу в этих странах стали выдвигаться коммунисты, представители рабочих и крестьян, старые кадры специалистов уходили на другую работу. Люстрация, или чистка кадров, стала нормой. Присутствие советских войск помогало коммунистам захватить власть сверху донизу. Во всех странах ЦВЕ были созданы карательные органы для тотального контроля за людьми. Впоследствии эти органы с подачи из Москвы стали проводить шумные процессы над инакомыслящими и несогласными (процесс Р.Сланского в Чехословакии, Л.Райка в Венгрии, Т.Костова в Болгарии, Кочи Дзодзе в Албании). Многие представители буржуазных классов и интеллигенции оказались за решёткой.

Всё это также повторяло вехи процесса укрепления большевистского правления в СССР. Работала известная сталинская «теория» обострения классово-партийной борьбы в условиях диктатуры пролетариата, обосновывающая террор. И хотя террор в этих странах никогда не достигал тех параметров, которые были в СССР, тем не менее опыт «старшего брата», передаваемый, в частности, через многочисленных советских дипломатов, советников и агентов

---

¹ В.Алексеев. Венгрия-56: Прорыв цепи. М., 1996, с. 75, 76.

в этих странах, был использован в огромной мере. Напомню, что говорил И.Сталин по этому поводу в 1937 году:

«...Необходимо разбить и отбросить прочь гнилую теорию о том, что с каждым нашим продвижением вперёд классовая борьба у нас должна будто бы всё более и более затухать, что по мере наших успехов классовый враг становится будто бы всё более и более ручным.

Это не только гнилая теория, но и опасная теория, ибо она усыпляет наших людей, заводит их в капкан, а классовому врагу даёт возможность оправиться для борьбы с Советской властью.

Наоборот, чем больше мы будем продвигаться вперёд, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы, тем больше они будут пакостить советскому государству, тем больше они будут хвататься за самые отчаянные средства борьбы, как последние средства обречённых»².

Обращение к силе или угроза силой стала для коммунистических правителей социалистических стран ЦВЕ простой, понятной, а главное, проверенной на примере «старшего брата» внутренней политикой. Это вопиющим образом отличалось от того, что было во многих этих странах до войны, когда уже фактически были заложены основы демократии, законности и рыночной системы.

В спорах и дискуссиях по вопросам внутренней политики или развития экономики верх одерживали не доказательность или авторитет специалистов и их аргументов, а номенклатурность, социальное и политическое положение, элитность нового нарождающегося эксплуататорского класса. В полемике часто звучали прямые и скрытые угрозы и обиды, выставлялись счёты, накопившиеся за время прохождения во власть новых правителей разных уровней. И всё прикрывалось или «обосновывалось» марксизмом-ленинизмом, опытом «большого брата», который радовался, видя формирование значительного слоя чиновничества, подобного тому, который уже был создан в СССР. Узкие группы лиц, часто с невысокой общей культурой и низким профессионализмом утверждались в монопольной и чуть ли не пожизненной власти, они не брезговали ничем во имя её укрепления и достижения своих, часто просто корыстных целей. Ведь неограниченная власть – это тоже корысть и даже сладость. А поиски «врагов» и борьба с ними стали нормой такой системы авторитарного управления.

«Жертвами произвольных репрессий, — пишет В.Алексеев, — были, разумеется, отнюдь не только партийно-государственные руководители высокого ранга. Их характерной чертой было огульное смешение в одну общую кучу обвинений и наказаний за самые разнообразные действительные и мнимые провинности и преступления: за шпионаж и за невыполнение сельскохозяйственных поставок, за попытку диверсии и за производственный брак. В местах заключения вперемежку сидели нацисты и коммунисты, социал-демократы и военные преступники, помещики и крестьяне, рабочие и монахи, югославы – сторонники Тито и югославы – противники Тито»³. Наряду с борьбой против «чуждых элементов» во всех социалистических странах ЦВЕ велась оголтелая пропаганда социализма, как высшего общественного строя, шло широкомасштабное «воспитание» народа в духе любви и преданности к своим руководителям, к своим компартиям и, конечно, к Советскому Союзу, «великому Сталину» и последующим советским вождям, к ВКП(б), советскому народу, советским учёным и т.д. Города, улицы и площади переименовывались в честь Ленина, Сталина, Ворошилова, Калинина, советских маршалов, генералов и пр.

Всячески подчёркивалась мысль, что социалистические страны развиваются быстрее и эффективнее капиталистических, что на путь социализма вскоре вступят многие другие страны, более того, образуется единое всемирное социалистическое братство. И в то же время стали проявляться тенденции высокомерия, чванства и поучительства в отношении стран ЦВЕ со стороны руководителей Советского Союза, что вызвало, в частности, резкое обострение отношений между СССР и Югославией, отход последней от «лагеря социализма» в 1948 г.

В сфере управления экономикой в социалистических странах ЦВЕ насаждались централизм, командно-административные методы, внедрялась советская модель экономики. Во всех социалистических странах ЦВЕ был учреждён прежде всего тотальный партконтроль над экономикой и обществом. Огромную роль играла партийная идеология (марксизм-ленинизм) и быстро сформировавшаяся правящая номенклатура – новый эксплуататорский класс со всеми своими привилегиями, иерархией руководящих или управленческих органов. Везде были

² И.Сталин. О недостатках партийной работы и мерах по ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад и заключительное слово на пленуме ЦК ВКП(Б) 3-5 марта 1937 г. М., Политиздат, 1954, с. 19.

³ В.Алексеев. Там же, с. 89, 90.

созданы экономические отделы в ЦК правящей коммунистической (она могла называться и иначе) партии, Госплан, Госснаб и т.д.

Всё это называлось установлением диктатуры пролетариата, получившей в этих странах лицемерное название народной демократии. Как писал в 1948 г. генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии Г.Димитров, «переход к социализму не может произойти без диктатуры пролетариата для подавления капиталистических элементов и для организации социалистического хозяйства. В то время как буржуазная демократия является диктатурой капиталистов, народная демократия выполняет функции диктатуры пролетариата в интересах огромного большинства трудящихся и является самой широкой и полной демократией – социалистической демократией. Сходство народной демократии и советской власти в том, что они являются властью рабочего класса в союзе с трудящимися при руководящей роли рабочего класса»⁴.

Советский Союз оказывал масштабную помощь всем новым социалистическим странам, странам «народной демократии» в виде специального финансирования, списания долгов, поставок сельхозтехники, удобрений, технической и научно-технической помощи в деле формирования социалистической системы, социалистической экономики с присущей ей СМЭ.

Везде, кроме Югославии, в процессе национализации была создана государственная собственность, которую было принято считать и общественной. Проводилась широкомасштабная конфискация имущества состоятельных слоёв населения. Государственная собственность стала основой экономической системы, её модели, всего централизованного управления и планирования. Доля её в экономике была преобладающей. Правда, в отличие от СССР, ни в одной из этих стран не было сплошной государственной собственности на землю. В результате экспроприации крупных помещичьих хозяйств земля либо была отдана крестьянам-единоличникам, либо затем перешла во владение сельскохозяйственных кооперативов – прообразов советских колхозов. Государственные сельские хозяйства, или совхозы, в этих странах развития не получили. При этом ни в Югославии, ни в Польше коллективизации вообще не было. Но, как и в СССР, были колхозные рынки, теневая экономика и, конечно, коррупция.

Во всех социалистических странах ЦВЕ по примеру Советского Союза была создана система централизованного планирования, рассчитывались тысячи материальных, стоимостных и трудовых балансов. Применялись изящные математические методы (линейное программирование, искусственное формирование оптимальных планов и цен и т.д.), фальсифицировалась статистическая база. Всё это противопоставлялось рынку и его механизмам, точнее, было призвано их заменить. Однако, в отличие от СССР, в этих странах довольно быстро стало ясно, что делать это надо не тотально, а в меру. Поэтому в таких странах ЦВЕ, как Венгрия, Югославия и Польша, конкретные рыночные инструменты, как, например, цены, прибыль, кредит и даже конкуренция на деле использовались намного шире, чем в СССР. А попытки их искоренить, равно как и отбросить старые демократические традиции, приводили к серьёзным внутриполитическим коллизиям, вооружённому народному сопротивлению насильственной социализации. Речь идёт о событиях 1953 года в ГДР, 1956 года в Венгрии, 1968 года в Чехословакии и о многочисленных акциях гражданского неповиновения в Польше.

Система «одна партия – одна собственность – одна идеология – один план» лучше всего могла существовать в условиях изоляции от несоциалистического мира, т.е. в условиях «капиталистического окружения», в условиях постоянной подготовки к возможной войне. В СССР всё это могло существовать в течение нескольких десятилетий диктаторского правления Сталина, в социалистических странах ЦВЕ, за исключением Албании и Румынии, такая система просуществовала лишь несколько лет и сразу же после смерти Сталина там появились мощные движения за реформирование командно-административной системы.

Реформирование СМЭ в социалистических странах ЦВЕ, как, кстати, и в СССР, оказывалось невозможным, если в обществе оппозиционные силы открыто ставили вопрос о ликвидации ведущей роли, точнее, абсолютной власти компартии или советского влияния. Когда в Чехословакии вопрос встал в такой плоскости, немедленно были введены войска «братских стран», применена «доктрина Брежнева», согласно которой мировая социалистическая система обязана использовать любые средства, чтобы предотвратить отрыв от неё любой её части, не считаясь с волей народа. На Западе такая позиция получила название доктрины ограниченного суверенитета. Но частичное реформирование на путях «рыночного социализма» оказалось вполне возможным, если не ставить под сомнение монопольную коммунистическую власть и роль СССР. Недаром именно в этих странах (Венгрия после 1956 г.

---

⁴ Правда, 27 декабря 1948 г.

прежде всего) частичные, фрагментарные реформы стали более активной практикой и продвигались значительно дальше, чем в СССР.

Экономическое развитие социалистических стран ЦВЕ в послевоенный период прошло четыре этапа. Первый этап (50-60-е годы), когда происходил быстрый экстенсивный рост, искусственно подстегиваемый централизованным планированием за счёт закачивания в экономику ресурсов и политикой ускоренной индустриализации в пользу, прежде всего, тяжёлой промышленности. Второй этап (70-е годы), когда появились признаки исчерпания факторов экстенсивного развития, а темпы роста экономики резко замедлились. Третий этап (80-е годы), когда экономический рост практически уже прекратился, началась стагнация, появились признаки агонии отживающей общественной системы. Четвёртый этап (90-е годы) – начало революционных преобразований, связанных с переходом от реального социализма к демократии, становлением рыночной системы с эффективной экономикой.

На первом этапе среднегодовые темпы роста основных макроэкономических показателей были весьма высокие: от 6 до 11% для национального дохода и 9-16% для капитальных вложений по разным странам.⁵ Создавалась мировая социалистическая система как альтернатива мировой капиталистической системе, новый плацдарм для реализации старых марксистских идей мировой революции.

Экономическое развитие стран носило исключительно экстенсивный характер, постоянно росла норма накопления. Как писали чехословацкие экономисты В.Комарек и Л.Ржига, такой «тип экономического развития ведёт к гигантскому увеличению роста материального производства в общественном труде и частично к омертвлению этого труда в средствах производства в I подразделении. С точки зрения фактора времени это представляет большую опасность и может привести к непредвиденным народнохозяйственным потерям, неэффективно поглощающим существенную часть фонда накопления». И далее: «Такой тип экономического развития «консервирует технический уровень, т.е. вынуждает общество продолжать эксплуатировать неэффективные участки, воспроизводя, таким образом, неэффективное развитие, и тем самым замедлять рост эффективности общественного производства»⁶.

Сразу же после смерти Сталина в июне 1953 г. в Берлине недовольные рабочие вышли на улицы города с требованием улучшения их социального положения. Против демонстрантов были применены советские вооруженные силы, размещенные в ГДР. Погибло не менее 25 человек, но политические гайки закручивались потом многие годы.

Летом 1956 г. произошли волнения в Польше в Познани, которые также были подавлены с помощью военной силы. Но самое страшное – это кровавые события в октябрь-ноябре 1956 г. в Венгрии, где советские войска вместе с венгерскими прокоммунистическими силами жестоко подавили широкомасштабное народное восстание, когда число жертв исчислялось тысячами.

В августе 1968 г. произошли известные события в Чехословакии. В этой стране давно зрели силы во главе с О.Шиком, ориентированные на «обновление социализма», на построение «социализма с человеческим лицом» на базе развития товарно-рыночных отношений. Они критиковали СМЭ, утвердившуюся в СССР, призывали к более широким экономическим связям с Западом. В СССР подобные внутренние тенденции вылились наружу в период горбачевской перестройки. Но в Чехословакии в 1968 г. всё это закончилось оккупацией страны войсками Варшавского договора и утверждением ультраконсервативной линии в руководстве страной. Отзвуки этих событий слышны и до сих пор.

В СССР подобных масштабных протестов, социальных взрывов не было, хотя более мелкие и жестоко подавленные, конечно, были. О многих мы не знаем, но знаем о Новочеркасске, где погибло также более двух десятков человек, о Темиртау и т.д.

Все рассмотренные акции протеста относятся к периоду становления и в общем-то достаточно успешного и быстрого развития социализма в странах ЦВЕ. В этот период Советский Союз оказывал огромную экономическую помощь этим странам, которая составляла порядка 5-10 млрд. долл. в год.

На втором этапе произошло значительное замедление темпов экономического роста стран ЦВЕ. Например, среднегодовой прирост национального дохода в 1976-1980 гг. составил 1,2-6,0 %, это, как минимум, вдвое ниже, чем на первом этапе. Типичными стали призывы к интенсификации производства, ускорению НТП, но дело не шло. Особенно плохо экономика развивалась в Польше, где за все 70-е годы национальный доход возрос, по официальным

---

⁵ Т.Кишш. Экономическое сотрудничество социалистических стран. М., 1963, с. 125, 134.

⁶ В.Комарек, Л.Ржига. Долгосрочное планирование и прогнозирование. М., Экономика, 1973, с. 50, 51.

данном, в 1,7 раза, что меньше, чем в 50-е годы (в 2,1 раза) и в 60-е годы (в 1,8 раза).⁷ К концу 70-х годов экономический рост здесь практически вообще прекратился.

На третьем этапе произошло дальнейшее замедление темпов роста экономики и эффективности производства в странах ЦВЕ, а в Польше и некоторых других странах производство попросту стало снижаться. По расчётам, проведённым в Институте экономики Болгарской академии наук, среднегодовые темпы роста факторной производительности в экономике Болгарии в 1966-1975 гг. составили 4,1%, в 1976-1980 гг. они снизились до 2,0%. Доля интенсивных факторов в приросте национального дохода в 1971-1975 гг. была равна 52,5%, в 1976-1980 гг. – 33,6%.⁸ И никакие меры, предпринимаемые сверху, ни нарастающая помощь со стороны Советского Союза не смогли преодолеть эту неблагоприятную тенденцию.

Для многих экономистов этих стран стало ясно, что не работает сама система реального социализма. Эта тоталитарная система партийного государства экономически держится на государственной собственности, на принуждении, т.е. на командах сверху. Политически эта система держится на всевластии партийных органов, чиновничьего аппарата министерств и ведомств, органов внутреннего сыска. Организационно она строится на жёсткой партийной дисциплине, культивации страха наказаний, натуральном распределении производимой продукции. Идеологически – на марксизме-ленинизме, влияние и роль которого в соседней Западной Европе повсеместно к этому времени уже шли на убыль. Большинство экономистов в таких странах, как Венгрия и Польша, пришли к выводу, что системный кризис может быть преодолён только на путях к реальной рыночной экономике.

Правящие компартии стран ЦВЕ по примеру КПСС соорудили миллионы памятников своим руководителям, развесили миллионы их портретов, переименовали многие города, улицы и целые территории в угоду этим руководителям, всячески изображали себя борцами за народное благо и народные интересы. На деле же они творили зло, загоняли общество и экономику в тупик, угнетали свой народ. Коммунистическая идеология, преданность Советскому Союзу и экономическая зависимость от него насаждались искусственно. «Трудовой энтузиазм» и одобрение народом всех решений партии и правительства пропагандировались и превозносились официальной пропагандой широко, назойливо и повсеместно.

Всё это не могло не вызывать нового сопротивления, которое, однако, после печального опыта 50-60-х годов со временем уже не выливалось в вооружённые столкновения, а принимало более цивилизованную форму давления на руководящую элиту, которая вынуждалась таким образом к проведению частичных реформ сверху. Сказанное особенно характерно для Польши, где летом 1980 г. возник независимый профсоюз «Солидарность», который путём гласности, завоевания общественного доверия и политического давления на власть сумел добиться перехода власти в свои руки, подвиг прежнее коммунистическое руководство Польши на ускорение проведения экономических реформ в 1982-1989 гг.

В целом можно выделить два типа экономических реформ в рассматриваемых странах.

Первый тип – либеральные реформы в Венгрии и Польше, связанные со значительной экономической либерализацией и децентрализацией управления. Экономическая либерализация выражалась в постепенном увеличении роли рыночных инструментов и механизмов (процент, прибыль, налоги и пр.), в частичном переходе к более гибкому ценообразованию и даже разрешению мелкой частной собственности, поддержке мелкого предпринимательства. Децентрализация управления выражалась в ослаблении жёсткости, директивности централизованного планирования, сокращении числа планируемых показателей, предоставлении нижестоящим звеньям больше прав и т.д. Однако в любом случае сохранялась абсолютная власть партийно-хозяйственной номенклатуры.

С января 1968 г. под руководством Я.Кадара в Венгрии стала проводиться политика по созданию нового экономического механизма (НЭМ). Этому предшествовала большая дискуссия среди венгерских учёных, управленцев, плановиков и других специалистов. В результате введения НЭМ предприятия получили довольно большую экономическую самостоятельность, получили право во многом самим решать, что и как производить, где и кому продавать свою продукцию, у кого покупать сырьё и полуфабрикаты. Появились элементы конкуренции между предприятиями, которые стимулировали рост эффективности производства, степень удовлетворения спроса. Стал расширяться частный сектор в экономике, особенно в сфере услуг. Цены стали играть более активную роль, балансируя спрос и предложение. Норма прибыли и рентабельность постепенно завоевали свою естественную роль важного критерия

⁷ Статистический ежегодник стран-членов СЭВ. М., 1985, с. 27.

⁸ З.Ковачев, Т.Пачев, Г.Минчев, С.Стоилов, Н.Великов, П.Петков, К.Николова. Экономическая и социальная эффективность социалистического воспроизводства. М., Экономика, 1985, с. 93, 94.

эффективности производства и деловой активности. Нераспределенная прибыль предприятий стала использоваться для инвестиций и дополнительного материального поощрения работников. Предприятия получили более широкие возможности брать кредит в банке, нанимать работников, но если рост средней заработной платы начинал превышать установленный норматив, то фонд зарплаты облагался налогом в 3% в год. Стала возрастать роль внешней торговли, в частности, торговли с Западом, международный туризм.

Были отменены многие обязательные плановые показатели по производству той или иной продукции, административное распределение материальных ресурсов. Экономика перешла на оптовую торговлю материальными ресурсами. Но директора заводов по-прежнему находились в подчинении своих министерств и могли быть уволенными по их приказу, а центр (Госплан) оставлял за собой главный рычаг – основную часть капиталовложений, которые направлялись по плану в соответствующие отрасли и производства.

В сельском хозяйстве Венгрии были отменены обязательные поставки продукции государству, колхозам предоставлено право самим определять, что производить и продавать. Отменены ограничения на численность скота в частной собственности, на продажу продукции в городах, крестьяне получили право на несельскохозяйственную деятельность (строительство, промышленная переработка, ремонт техники, предприятия общественного питания и т.д.).

Заметные перемены произошли в ценообразовании. Административный контроль над ценами был ослаблен. Появились цены 4-х видов: фиксированные, максимальные, лимитные и свободные. Фиксированные цены устанавливались на основные продовольственные товары, на сырьё и топливо. Был либерализован импорт, появилось много иностранных товаров, часто довольно дорогих. Постепенно фактически была отменена и монополия внешней торговли.

Тем не менее сохранялось централизованное стратегическое управление и планирование экономики, монополия крупных предприятий, не было практически банкротств, многие государственные предприятия получали субсидии за счёт бюджета, и их размеры нарастали, рабочие получали заработную плату, даже если предприятие плохо работало и выпускало не то, что нужно. Уравниловка в оплате труда сохранялась, как один из принципов социализма. Но уже появлялись предприниматели и бизнесмены. И этим правящая партийная номенклатура была недовольна.

В целом Венгрия на путях формирования «рыночного социализма» создавала своеобразную смесь из централизованного управления и планирования экономики с квазирыночной децентрализацией и расширением хозяйственных прав предприятий.

В том же направлении шло реформирование и экономики Польши. Дискуссии о реформе здесь начались, пожалуй, раньше, чем в других странах ЦВЕ. В них участвовали такие видные польские экономисты, как О.Ланге, М.Калецкий, В.Брус, К.Ласки. Постепенно предприятия получали всё большую хозяйственную самостоятельность, но общественное мнение страны было настроено критически по отношению к социализму и однопартийному правлению. Из-за этого с самого начала в Польше не проводилась коллективизация в сельском хозяйстве. Крестьянство её попросту бы не приняло.

В 1969 г. была объявлена экономическая реформа, включая реформу цен, цены значительно выросли. В декабре 1970 г. польское руководство было шокировано волнениями среди населения, и новый генеральный секретарь партии Э.Герек ввёл амбициозную программу повышения жизненного уровня. Это привело к серьёзному наращиванию внешнего долга и инфляции в стране. Страна стала вводить по примеру Югославии рабочее самоуправление, которое не принесло положительных результатов. Одновременно строились крупные предприятия и формировались по примеру ГДР и СССР крупные промышленные объединения (реформа планирования в промышленности в 1974-1975 гг.). В целях противостояния набравшей силу инфляции была проведена увязка роста фонда заработной платы с ростом чистой продукции (установлен коэффициент 0,6). Но тем не менее это не стимулировало повышение эффективности производства, в частности, нормы рентабельности, из-за расточительного использования ресурсов.

Более решительный характер попытки экономических реформ в Польше приобрели лишь в 80-х гг., когда стало набирать силу и крепнуть массовое политическое движение «Солидарность». В 1982 и 1987 гг. были приняты решения о расширении хозяйственных прав предприятий. Однако в стране всё более укреплялось убеждение в том, что «трансплантация» элементов рынка в социалистическую экономику, в СМЭ не работает, не принимается последней. Начались ещё более бурные дискуссии, приведшие к радикальной смене экономической модели в 1989 г.

Второй тип – неопределённые экономические эксперименты в Болгарии, проводившиеся под советским контролем и весьма напоминавшие несостоявшиеся косыгинские

реформы в СССР в 1965 и 1979 гг. Эти эксперименты лишь с большой натяжкой можно назвать реформами, они не меняли сути сложившейся экономической модели.

Тем не менее в качестве альтернативы СМЭ в ряде стран ЦВЕ уже на этом этапе, как мы уже видели, стали проводиться практические эксперименты в духе «рыночного социализма». Это были вначале робкие и даже наивные попытки реформировать укрепляющуюся социалистическую систему. Смысл этих попыток сводился к частичному внедрению в социалистическую экономику элементов рынка под видом хозрасчёта, увеличения хозяйственной самостоятельности предприятий. Эти эксперименты затем были подхвачены либеральными кругами и в Советском Союзе. Теперь уж прямо можно сказать, что всё это были псевдореформы, иллюзорные и даже фальшивые перестроечные процессы.

Что же касается таких социалистических стран, как Чехословакия (после 1968 г.), Румыния, ГДР и Албания, то никаких экономических, или рыночных, реформ в период до 90-х годов здесь попросту не было. В Чехословакии, и особенно в Албании, осуществлялся консервативный тип экономического развития, основанный на классической СМЭ, что не помешало, кстати, Албании в конце 50-х годов выйти из орбиты Советского Союза. О рынке или рыночных механизмах в Албании, например, говорить было не принято. В Чехословакии осталась лишь рыночная риторика. В Румынии выделялся тоталитарный характер экономического и всего общественного развития, основанный на предельно абсолютной власти одного диктатора. Эта страна могла себе позволить, находясь в советской орбите, критические замечания в адрес Советского Союза и довольно острые элементы независимой внутренней и внешней политики, что вызывало явное недовольство в Советском Союзе (например, отказ от участия в Варшавском договоре, от ввода войск в Чехословакию в 1968 г. и т.д.). Я помню, у нас ходила такая шутка: румыны – это не национальность, это – профессия.

Никаких реформ в Румынии, как в Албании, не проводилось. В стране существовал жёсткий репрессивный режим.

По-другому развивалась ГДР. Здесь были созданы «социалистические картели» – крупные объединения промышленных предприятий (всего более 70) по продуктовым группам – комбинаты. Эти монополистические объединения были противниками конкуренции и рынка. В 1963 г. был объявлен лозунг ориентации на экономические рычаги и стимулы, но вскоре всё вернулось к количественным показателям централизованного планирования. Комбинаты имели право самостоятельного выхода на внешние рынки. И самое главное: ГДР имела особые отношения с ФРГ, получая от последней негласно существенную экономическую поддержку. Что, впрочем, не мешало руководителям ГДР обвинять ФРГ во всех смертных грехах и критиковать её экономику, как хаотичную, неэффективную, расточительную и т.д.

Экономисты ГДР оказались наиболее догматичными и по марксистско-ленински ориентированными среди всех учёных-экономистов стран ЦВЕ. Они категорически выступали против экспериментов с «рыночным социализмом» в Югославии, Венгрии и Польше, косо смотрели на частичные рыночные эксперименты в СССР и стояли на страже «чистоты» марксистско-ленинской экономической теории. Правящие круги ГДР выступали против каких-либо рыночных реформ в своей стране.

Совсем особняком из социалистических стран ЦВЕ стоит Югославия, которая в 1948 г. покинула «лагерь социализма» из-за неожиданно возникшей ссоры между Сталиным и Тито в Москве. Югославия стала строить свой югославский реальный социализм, основанный на коллективной собственности, рабочем самоуправлении, широком использовании рыночных механизмов, но при сохранении авторитаризма, монополии коммунистической партии и марксистско-ленинской идеологии. Это была попытка сформировать альтернативу советской практике строительства «реального социализма», советской модели экономики. Это был широкомасштабный и долгий эксперимент с «рыночным социализмом», который не только провалился концептуально и экономически, но и привёл к известным кровавым событиям и распаду страны.

Последние события в Югославии заставляют более подробно остановиться на опыте социалистического строительства в этой стране.

Югославская модель экономики существенно отличалась от советской и её вариантов в таких странах, как Польша и Венгрия. Во-первых, роль рыночных сил в экономике этой страны была много больше, а роль централизованного планирования соответственно меньше. Во-вторых, в многонациональной Югославии была велика роль территориальных образований – республик, краёв и коммун. В-третьих, большое развитие в стране получило рабочее самоуправление на предприятиях. В-четвёртых, доходы работников предприятий в большей степени зависели от результатов их хозяйственной деятельности. В-пятых, в Югославии доля свободных цен была выше, чем в других странах ЦВЕ. И, наконец, в-шестых, в отличие от

большинства других стран ЦВЕ, в Югославии, как уже говорилось, не было коллективизации сельского хозяйства, производство в этой отрасли осталось в руках мелких земельных собственников, которые работали на рынок, производя то, что им подсказывали спрос и конъюнктура.

В Югославии практиковалась самая децентрализованная и рыночная форма социализма из всех стран «мировой социалистической системы». Атмосфера в экономике и обществе была наиболее либеральной из всех этих стран, несмотря на однопартийную систему. Государственному социализму в других странах ЦВЕ Югославия противопоставила самоуправляющийся, или «прямой» социализм.

Это была уникальная балканская страна, 80% населения которой составляли славяне. В неё входили 6 республик и две провинции. Сербия освободилась от турецкого ига с помощью России в 1878 г., Македония – в 1912 г. Велики были религиозные и культурные различия населения, живущего в разных республиках.

В годы второй мировой войны Югославия оказала героическое сопротивление немецким оккупантам, и сразу же после войны коммунисты, пришедшие к власти, провели национализацию промышленности, установили централизованное управление экономикой. Первый пятилетний план на 1947-1951 гг. предусматривал рост промышленного производства в 5 раз по сравнению с довоенным уровнем, высокие темпы роста капиталовложений. На селе стала проводиться коллективизация, крестьяне должны были выполнять обязательные поставки своей продукции государству, как и в СССР.

Однако после разрыва отношений с СССР страна оказалась не только в изоляции, но и в экономической блокаде. Если в первые послевоенные годы около 50% югославской внешней торговли приходилось на СССР и страны ЦВЕ, то уже к 1948 г. намного меньше, а в 1950 г. – 0. И так продолжалось до 1955 г., когда Н.Хрущёв нанёс свой первый визит в Югославию после смерти Сталина.

В годы изоляции Югославия стала искать собственную модель строительства социализма, весной 1950 г. идея самоуправления получила поддержку, и 26 июня того же года был принят закон о рабочем самоуправлении. Главными идеологами реформ были Э.Кардель и Б.Кидрич. В апреле 1951 г. был упразднён Госплан, в декабре того же года централизованное планирование утратило свой директивный характер, формировались рынки, цены на большинство товаров стали свободными, предприятия стали сами решать, что им производить, что покупать, кому и по какой цене продавать.

В сельском хозяйстве в 1950 г. колхозы занимали около 20% обрабатываемых земель, но потом было признано, что они не эффективны, и колхозники могут из них уйти. Предел частного земельного надела был установлен в 10 га.

Концепция югославского социализма как «свободного объединения производителей» была распространена и на внутреннюю политику страны. Республики получили большую самостоятельность, но за центром при этом остался контроль за капиталовложениями. Да и предприятия вплоть до 1965 г. имели мало прав в этом отношении. В начале 60-х годов 60% всех капиталовложений финансировало государство, 35% — сами предприятия, и лишь оставшиеся 5% приходилось на счёт банковского кредита⁹. Государство регулировало соотношение между прибылью и фондом заработной платы на предприятиях, не разрешало повышать зарплату по собственной инициативе, прибыли делились между предприятиями и местными органами власти, которые сами определяли свою долю. Государство получало свой налог на прибыль и 6% — плату за фонды. В итоге предприятиям оставалось не так уж и много.

Тем не менее производство быстро росло. Среднегодовой прирост совокупного общественного продукта в 1954-1965 гг. составил 7,5%. Однако внешнеторговый баланс был дефицитным, и страна стала вползать во внешний долг, который, в конце концов, достиг 20 млрд.долл. (1982 г.). К тому же социалистические предприятия и особенно местные органы власти не очень заботились о рентабельности производства, его эффективности. Рычаг конкуренции был слабым. Поэтому, как и в других социалистических странах, экономическая рациональность многих инвестиционных проектов часто была весьма сомнительна и служила лишь поддержанию полной занятости, а экономический рост носил ярко выраженный экстенсивный характер. Югославы часто называли свои предприятия «политическими фабриками». Норма производственного накопления нарастала.

Однако постепенно темпы экономического роста стали снижаться, с начала 60-х годов появилась официальная безработица, ускорялась инфляция. В этих условиях крепились настроения в пользу придания предприятиям страны ещё большей свободы, распространив её и на

---

⁹ M.Bleaney. Do Socialist Economies Work? Basic Blackwell, 1988, p. 135.

капвложения, в пользу дальнейшего развития системы рабочего самоуправления. На этой волне в 1965 г. была проведена новая экономическая реформа.

Как пишет югославский экономист К.Михайлович, «оттеснив планирование, рынок быстро завоевал экономические позиции... Возникла пустота в сфере макроэкономических отношений. Уже в начале 60-х годов были отмечены крупные структурные нарушения, которые в порядке обратного воздействия отразились на микроуровне экономики и функционировании всех основных институтов экономической системы»¹⁰. Иными словами, многонациональная Югославия теряла силу государственных институтов, входила в полосу стихийности и смуты. Предприятия и их трудовые коллективы получили ещё большую самостоятельность, был отменен государственный контроль за распределением их чистого дохода. Предприятия получили больше прав и в отношении распределения своих доходов и инвестирования. Принцип самоуправления распространился и на сектор социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование и пр.), который перестал финансироваться за счёт федерального бюджета.

Экономика страны становилась всё более атомизированной. К концу 60-х гг. лишь менее 10% капвложений финансировалась государством, остальные 90% примерно поровну распределялись между прибылью самих предприятий и банковским кредитом¹¹. Предприятия брали кредиты вроде бы на поддержание и рост производства. На деле же кредиты покрывали расходы по потерям, по низкой эффективности, по сверхзанятости, поддержке практически обанкротившихся предприятий и т.д.

Свою автономию предприятия использовали в рамках философии группового эгоизма в целях роста фонда заработной платы. В результате стали нарастать темпы инфляции, усиливался национализм в республиках, особенно в Хорватии. В ответ на это укреплялся традиционный шовинизм сербов. Всё это происходило на фоне ослабления роли государства и его институтов в экономике и обществе. К началу 70-х гг. федеральная ответственность концентрировалась лишь на обороне страны, пенсионном обеспечении, обслуживании внешнего долга и на фонде развития отсталых районов страны. Всё это, как потом оказалось, имело драматические последствия, создавалась иллюзия, будто местные и региональные партийные власти могут обеспечить защиту интересов всей страны и создать условия для её прогресса.

Тем не менее возрастала политическая и экономическая роль национальных республик, национальный вопрос встал во весь рост впервые после 1945 г. Принятые поправки к конституции давали республикам право вето по многим вопросам, почти каждый вопрос в республиках стал приобретать этническую окраску. Национализм резко проявил себя в 1971 г., когда Тито провёл акцию против части руководства Хорватии. Тенденция к распаду федерации усиливалась. Одновременно уже с 60-х гг. росла безработица, началась массовая эмиграция излишней рабочей силы.

В 1974 г. была принята новая Конституция страны, в 1976 г. – закон об объединенном труде. В соответствии с этим законом первичным звеном всей общественной и политической системы были объявлены не отдельные уже существующие предприятия и их трудовые коллективы, а основные организации объединенного труда (ОООТ), представляющие собой хозяйственные единицы с законченным технологическим циклом, где может быть реализован принцип хозрасчёта (цехи, участки и т.д.). Речь, по существу, шла о ещё большей атомизации в экономике страны. Помимо ОООТ создавались и так называемые сложные организации объединенного труда в виде объединений ряда трудовых организаций или их ОООТ в одной или нескольких взаимосвязанных отраслях¹². Предприятия были переименованы в «рабочие организации объединенного труда» и могли входить одновременно в разные ОООТ. По закону только коллектив, а не отдельные работники, мог иметь собственность из состава имущества ОООТ. Бесконечные собрания и переговоры внутри коллектива снижали и без того ослабленную роль директоров и менеджеров.

Между ОООТ возникла сложная система контрактных взаимоотношений. В эти контракты включались не только сами ОООТ, но и профсоюзы, торговые организации и властные структуры на разных уровнях. Местные контракты объединялись в республиканские, последние в федеральные. Создавалась новая неэффективная бюрократическая система при сохранении руководящей роли уже существующей партийной иерархии. Всё это происходило в рамках концепции «рыночного социализма», и в реальных условиях многонациональной страны

¹⁰ К.Михайлович. Экономическая деятельность Югославии. М., Экономика, 1986, с. 143.

¹¹ M.Bleaney. Op.cit., p. 136.

¹² См. К.Михайлович, с. 142.

вело к нарастанию центробежных тенденций, разделению экономики и общества на многочисленные мелкие группы по интересам.

Опыт построения югославской экономической модели оказался неудачным. Он в значительной мере способствовал развалу страны в 1991 г., межнациональным войнам и становлению затем диктаторского режима в новой Югославии в составе Сербии и Черногории, а также последующим драматическим событиям (ввод экономических санкций, военные операции НАТО, исход беженцев и т.д.). Диктаторский режим С.Милошевича со всеми его этническими чистками, железной волей и дисциплиной стал реакцией, своего рода национальным комплексом, на разрушительные дезинтеграционные процессы в послевоенном развитии Югославии.

На протяжении третьего периода послевоенного экономического развития стран ЦВЕ проявил себя в полной мере общий кризис социализма, общий кризис мировой социалистической системы, которая подошла к последней грани своего неизбежного развала. Ни в одной из социалистических стран ЦВЕ реальный социализм, реальная модель развития национальной экономики не только не доказали своих преимуществ по сравнению с реальным капитализмом, реальной рыночной экономикой, но и довели свои страны до истощения, прекращения экономического роста. На протяжении четырёх десятилетий экономика социалистических стран ЦВЕ развивалась не эффективно, демонстрировала производство ради производства, точнее, ради укрепления коммунистической власти.

В целом за рассмотренные три периода экономического развития социалистических стран ЦВЕ темпы их экономического роста были следующими (табл.2).

Таблица 2

Среднегодовые темпы роста национального дохода бывших социалистических стран, 1950-1990 гг. (в %)

Годы	Болгария	Чехословакия	ГДР	Венгрия	Польша	Румыния	СССР
1951-1955	12,2	8,1	13,2	5,7	8,6	14,2	11,3
1956-1960	9,6	7,0	4,4	6,0	6,6	6,6	9,2
1961-1965	6,6	1,9	3,5	4,5	6,2	9,1	5,7
1966-1970	8,7	6,9	5,0	6,7	5,9	7,7	7,1
1971-1975	7,9	5,7	5,4	6,3	9,7	11,3	5,1
1976-1980	6,1	3,7	4,1	2,8	1,2	7,2	3,7
1981-1985	3,7	1,8	4,5	1,4	— 0,8	3,0	3,2
1986-1990	— 0,5	1,0	— 1,8	— 0,5	— 0,5	— 3,5	1,3

Источники: Статистический Ежегодник СЭВ с 1971 по 1978 гг.; Economic Survey of Europe, 1990-1991, UN., Geneva, p. 41.

В 70-е – 80-е годы уже многие экономисты стран ЦВЕ стали понимать, что годы «строительства социализма» – это годы регресса, годы дискредитации ценностей смешанной конкурентной экономики и гражданского общества, что не могло быть компенсировано количественным ростом производства, строительством новых предприятий. В 1989 г. Я.Корнаи писал: «теперь мы должны расплачиваться за десятилетиями копившиеся проблемы. Из сознания нескольких поколений вытравливали гражданские чувства и ценности, тесно связанные с правами частного владения, частной собственностью и рынком. С этим обстоятельством нельзя не считаться»¹³.

Четвёртый период – крах реального социализма во всех социалистических странах ЦВЕ, вступление их в длительный трансформационный период, который продолжается и в наши дни. Повсеместно начало трансформации было связано с серьёзным падением производства. Однако, по сравнению с Россией, это падение было намного меньше, а реальные рыночные реформы успешны. Они нашли поддержку у большинства населения рассматриваемых стран. В 1989-1990 гг. во всех из них почти дружно и безболезненно прошли «бархатные революции», правящие коммунистические партии ушли не только из власти, но и практически с политической арены, превратившись в цивилизованную социал-демократию западного образца.

¹³ Я.Корнаи. Путь к свободной экономике. М., Экономика, 1990, с. 30.

Ничего подобно, к сожалению, не произошло в России, где опыт строительства «реального социализма» был почти вдвое больше, чем в странах ЦВЕ, и его корни намного глубже вросли в землю. Выкорчевывать эти корни нам, похоже, предстоит ещё долгое время. За этот период многие бывшие социалистические страны ЦВЕ войдут в состав Европейского Союза на правах его полных членов и пополнят мировое сообщество экономически развитых, цивилизованных стран мира. Нам же предстоит ещё долгий путь в этом направлении, если, конечно, и само направление в силу внутренних причин не будет изменено. Но автор считает себя оптимистом и не верит в попятное развитие российского общества.

В заключение особо хотелось бы сказать о Совете Экономической Взаимопомощи (СЭВ).

СЭВ был создан в 1949 г. Сталиным в ответ на «план Маршалла» с намерением сформировать мировую социалистическую систему хозяйства, которая должна превзойти по экономическим параметрам мировую капиталистическую систему хозяйства и стать важнейшим фактором коммунистического преобразования всего мира. Несомненно, что создание СЭВ стимулировало интеграционные процессы на Западе. Однако интеграционные экономические процессы на Западе в своей основе имели налаживание хозяйственного взаимодействия фирм и предприятий разных стран путем отмены таможенных пошлин, развития кооперирования, дележа рынков сбыта, взаимного кредитования и т.д. Эта интеграция шла как сверху, так и снизу на базе рыночного механизма.

Интеграционные экономические процессы в рамках СЭВ в своей основе имели налаживание хозяйственного взаимодействия между министерствами и госпланами разных стран, т.е. на государственном уровне. Совместно решались вопросы координации народнохозяйственных планов, согласования внешнеторгового оборота, предоставления государственных кредитов, организации научно-технического сотрудничества и т.д. Нечего и говорить, что все эти вопросы решались на базе командно-административного механизма в условиях централизованного планирования. И если все это не срабатывало в рамках каждой из социалистических стран, то не могло быть должного эффекта и на уровне международного сотрудничества. «Социалистическая экономическая интеграция» носила нерыночный, неэкономический и даже бюрократический характер.

Во внешней торговле социалистических стран производители непосредственно не участвовали, всё шло через государственные торговые объединения. При этом не нужна была ни единая валюта, ни деньги вообще. Был организован многосторонний клиринг на базе так называемого переводного рубля в качестве общей расчётной единицы. Каждая страна имела свою монополию внешней торговли и выступала как организованная автаркия. Неконвертабельность валют не позволяла сформировать оптимальную структуру экспорта и импорта. К тому же не было связи между внутренними и внешнеторговыми ценами, что не позволяло внешней торговле оказывать действенное влияние на структуру национального производства в каждой стране.

Несмотря на декларации об углублении и расширении «социалистической экономической интеграции», о необходимости развития производственной кооперации и специализации, все страны-члены СЭВ (на деле каждая у себя) создавали самодостаточные, комплексные экономики по примеру Советского Союза, не очень-то рассчитывая на международную специализацию. Это было ещё одним фактором низкой экономической эффективности мировой системы социализма и ее как бы «общего рынка».

Как пишет известный французский советолог М.Лавинь, СЭВ не был рынком, а тем более общим.¹⁴ Практически были лишь двусторонние связи и две системы денежных единиц – внешнеторговые цены и переводной рубль. Однако за основу брались средние мировые цены за последние 5 лет и официальный курс рубля. Не приходится забывать, что товары, производимые в социалистических странах, за исключением природного сырья, были низкого качества и неконкурентоспособны на мировом рынке. Уже одно это делало СЭВ изолированным экономическим сообществом, международной коммуной, где можно было жить, не заботясь ни об эффективности, ни о качестве, ни о НТП, не боясь конкуренции. Слабых и серых такая жизнь, похоже, вполне устраивала.

Недаром процесс экономического выравнивания стран-членов СЭВ проходил не по высокому уровню, как, например, в ЕЭС, где планка была на уровне Германии, Великобритании и Франции, а на уровне СССР, который по показателю ВВП на душу населения уступал всем странам-членам СЭВ, за исключением Болгарии и Румынии. В то же время СССР нес основную нагрузку в СЭВ, оказывая существенную помощь своим партнёрам, которые, однако,

---

¹⁴ M.Lavigne. The Economics of Transition. L., 1995, p. 77.

предъявили ему серьёзные материальные и финансовые претензии после развала этой организации в 1990 г.

На Западе всегда делалось много прогнозов относительно будущего СЭВ. Почти все они были самыми пессимистическими. Однако никто не ожидал столь дружного, можно сказать, коллективного краха этого международного сообщества. Так было покончено с ещё одним столпом мирового социализма: он был разрушен под собственной тяжестью.

* * *

Если обобщить основные тенденции экономического развития социалистических стран ЦВЕ в послевоенный период, то генеральная линия этого развития видится в попытках сначала копирования опыта СССР, советской модели экономики, а затем в стараниях перехода к модели «рыночного социализма». Последняя представляет собой частичный отход от СМЭ и стремление использовать рыночные механизмы и стимулы в рамках централизованного планирования, командно-административной системы. Особо активные попытки в этом направлении предпринимались в Польше, Венгрии и Югославии. По существу, это были попытки вдохнуть в умирающий «реальный социализм» кислород нормальной рыночной экономики с внутренним мотивационным механизмом. Но и этот гибрид оказался нежизнеспособным.

Напомню читателю, что Маркс считал капитализм нежизнеспособной экономической и общественной системой, которая порождает в экономике стихию и хаос, обнищание рабочего класса. Последний в конечном счёте расправляется с эксплуататорским классом – буржуазией – и устанавливает справедливый общественный строй – социализм, в котором господствует диктатура пролетариата и функционирует плановая, нерыночная экономика.

Ленин и Сталин осуществили построение социализма в одной отдельно взятой стране и считали, что плановая социалистическая экономика – самая эффективная в мире. Они полагали, что по примеру Советского Союза многие другие страны встанут на путь социализма и свершится мировая социалистическая революция, которая даст импульс для ликвидации эксплуатации в мировом масштабе и построения коммунистического общества, где все люди будут трудиться и получать за свой труд по потребностям.

Но уже в начале 20-х годов австрийский экономист Л.Мизес показал, что коммунизм – это блеф и утопия, что социалистическая экономика, лишённая рыночных механизмов и базирующаяся на субъективистских решениях чиновников, никогда не создаст эффективного производства и распределения благ, отсутствие экономической свободы приведёт экономику в тупик, к разочарованию трудящихся масс.

Как уже упоминалось, в середине 30-х годов польский экономист О.Ланге, базируясь на опыте НЭПа в СССР, собственных оценках функционирования централизованной плановой системы в нашей стране, а также опыте мирового экономического кризиса 1929-1933 гг., выдвинул теорию «рыночного социализма». Эта теория, в отличие от взглядов Мизеса, опиралась на социалистическую идею, на социализм, как общественную и экономическую систему, предлагала внедрить в неё частично рыночные рычаги и стимулы, даже искусственные цены спроса и предложения, соединить план и рынок. Она была поддержана и работами таких польских экономистов, как М.Калецкий, В.Брус, К.Ласки.

Австрийский экономист Ф.Хайек также безоговорочно выступил против теории «рыночного социализма», доказывая, что это дорога в рабство. Однако после войны взгляды О.Ланге получили поддержку в Югославии, Польше и Венгрии, которые и начали практические эксперименты с теорией «рыночного социализма». Чем всё это закончилось, теперь хорошо известно.

Со временем эти страны отказались от этой теории и от пути, к которому призывали О.Ланге и его последователи. Как писал известный английский советолог А.Ноув, теория «рыночного социализма», которая на практике наиболее полно реализовывалась в Венгрии после 1968 г. в рамках так называемого «нового экономического механизма», не только не решила проблем реального реформирования командно-административной экономики, но и отвлекала от их решения. Другой крупный западный специалист в области социалистической экономики, венгерский экономист Я.Корнай, считает, что на самом деле нет никакого «третьего пути» в развитии экономики, нет альтернативы западной рыночной экономике ни в одном из её вариантов. Опыт Венгрии продемонстрировал «полный провал попыток соединить общественную собственность с рынком».¹⁵ Система «рыночного социализма» на деле лишь

---

¹⁵ См.: A.Nove. The Economic of Feasible Socialism Rivisted. Harper Collins Academic, 1991, p. 258.

симулировала рынок, а не создавала его реально, не отменяла авторитаризм, однопартийность и командование сверху. Естественно, что она не смогла закрепиться нигде, где с нею проводились эксперименты.

Таковы результаты функционирования СМЭ в условиях реального социализма, имевшего место в странах Центральной и Восточной Европы. Так же как и Советский Союз, эти страны построили у себя именно то, что и хотели, что и было задумано. Но эта попытка оказалась исторически несостоятельной, глубоко ошибочной. Коммунистический эксперимент, где бы он ни проводился, был изначально обречён, нигде не закрепился и не дал ожидаемых результатов. Поистине у него нет и не будет перспектив ни в мире, ни в нашей стране. Сегодня уже ясно, что работоспособная и эффективная экономика требует широкой предпринимательской свободы и предпринимательского духа, конкурентной среды, разнообразия форм собственности, полной автономии выбора, зрелой рыночной инфраструктуры, конструктивного государственного регулирования и, конечно, партнёрства в рамках современного мирового хозяйства.